

В. М. Лобеева

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ Б. Н. ЧИЧЕРИНА: ТРАКТОВКА ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ

В статье выделяются и анализируются базовые положения философии истории Б. Н. Чичерина, в которых выражено осмысление феномена революции и социалистического учения. Формулируется и обосновывается тезис о том, что революция трактуется философом как негативный способ объективации исторического развития, нарушающий естественный ход истории, отбрасывающий общество назад, обрекающий его на мучительные страдания и невосполнимые жертвы. Раскрывается понимание революции как крайне опасного проявления социального радикализма. Анализируется критика Чичериным основных теоретических положений социалистического учения, для которого идея революции была одной из главных. Показываются отмеченные философом деформация теоретиками социализма либерально-гуманистического принципа свободы личности и общества, искажение идеи независимости гражданского общества от государства, несостоятельность экономического учения социализма. Особо акцентируется внимание на трактовке Чичериным особенностей формирования революционных сил и основных проявлений социального радикализма в России во второй половине XIX в. Акцентируются идеи, связанные с обоснованием необходимости социального и политического реформирования общества с целью достижения социальной стабильности. Обосновывается тезис о том, что идеи, связанные с аргументированной критикой революции и социализма, идеи о необходимости предотвращения революционно-радикальных настроений и действий как важном условии сохранения целостности общественной системы обладают универсальным культурно-конструктивным смыслом. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: история, революция, социалистическое учение, социальный радикализм, терроризм, социальная стабильность.

V. M. Lobeeva

PHILOSOPHY OF HISTORY BY B. N. CHICHERIN: THE INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF REVOLUTION AND THE SOCIALIST DOCTRINE

The paper singles out and analyses the propositions of Chicherin's philosophy of history which show the scholar's understanding of the phenomenon of revolution and the socialist doctrine. Formulated and substantiated is the idea that revolution is interpreted philosophically as a negative means of the objectification of historical development, which violates the natural course of history, casting a society back, condemning it to a painful torment and irreplaceable sacrifice. This work expands understanding of revolution as the extremely dangerous manifestations of social radicals. It analyzes the criticism Checherin's basic theoretical propositions of socialist doctrine for which the idea of revolution was one of the main ideas. It shows, as the philosopher noted, the deformation by socialist theoreticians of the liberal-humanist principle of freedom of the individual and society, the distortion of the idea of independence of civil society from the state, the failure of the economic theory of socialism. The paper also emphasizes the version of the peculiarities of forming revolutionary forces and the major manifestation of social radicalism in Russia in the second half of the 19th century. These features are emphasized as being connected with motivating the necessity of social-political reforms to achieve social stability.

Лобеева Вера Михайловна — кандидат философских наук, доцент, Брянский государственный технический университет, Российская Федерация, 241035, Брянск, бульвар 50-летия Октября, 7; doktor70@bk.ru

Lobeeva Vera Mikhailovna — PhD, Associate Professor, Bryansk State Technical University, 7, Bulvar 50-letiya Oktyabrya, Bryansk, 241035, Russian Federation; doktor70@bk.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

The author gives proof of the point that Chicherin's ideas have universal constructive meaning to the extent that they accentuate criticism of revolution and socialism and the necessity of preventing revolutionary and radical sentiment and activity as an important condition for maintaining the integrity of the social system. This thinker's theoretical constructs are of undoubted benefit to the modern domestic philosophy of science, social and political practice. The article highlights aspects Chicherin's theory which determined his personal experience and ideological positions. Refs 13.

Keywords: history, revolution, socialist doctrine, social radicalism, terrorism, social stability.

Философия истории Б. Н. Чичерина — это учение о смысле, закономерностях, особенностях бытия истории, способах ее объективации. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются идеи ученого, сформулированные им в контексте анализа революции и социалистического учения, теоретически обосновывавшего революционный путь переустройства общества. Обращение именно к этим идеям Б. Н. Чичерина в год столетия эпохальных событий 1917 г. в России представляется автору настоящей статьи особенно актуальным.

Предложенная Чичериним трактовка революции свидетельствует о том, что она, наряду с реформой, понимается как способ объективации исторического развития. По мысли ученого, «нормальный порядок состоит в том, что общественный строй изменяется постепенно. Всякое слишком быстрое движение неизбежно влечет за собою попятный ход: таков закон человеческого развития» [1, с. 719]. В революции же Чичерин усматривает своеобразный излом исторического времени, прерывающий объективное единство исторического развития и, тем самым, неизбежно влекущий за собой разрушение всей прежней социальной жизни, разрушение общества именно как системы, социальную катастрофу. Поэтому революция как способ развития истории оценивается ученым абсолютно негативно.

Чичерин считает революцию неприемлемой и с гуманитарной точки зрения, трактуя ее как аморальный, кровавый и жертвенный феномен. При следовании по этому пути человеческая «цена истории» резко возрастает. Подчеркивается, что бедствия, которые несет с собой революция, не ограничиваются гражданскими войнами, кровопролитиями, жестоким подавлением свободы. Революция, как правило, уничтожает чувство законности и самодисциплины, и народ начинает предпочитать для решения сложных проблем смело и нетерпеливо выдвинутые радикальные теории и действия, жаждет переворотов, отмщения. Революция попирает не только право, нравственные установления, но даже здравый смысл с его доминантой самосохранения. И хотя порой на уровне массового сознания революция может быть оправдана объективными обстоятельствами — угнетением и крайней нищетой большинства народа, но она всегда есть абсолютное нарушение права, правопорядка и правомерного действия.

Таким образом, по мысли Чичерина, революционный переворот неприемлем не только с точки зрения права, поскольку он есть проявление социального экстремизма, представляющего собой грубое попрание права, но и с гуманитарной точки зрения, поскольку он есть абсолютное зло для человека и общества.

Следует отметить, что к такому пониманию Чичерин пришел не вдруг. В юности он пережил кратковременное увлечение революцией и республиканизмом. Тогда в его сознании революция явно предстала как путь к социальному идеалу, а пылкость молодости и отсутствие жизненного опыта помешали сполна осознать всю кровавую сущность и трагедию этого феномена. Чичерин описывает свой

восторг двадцатилетнего юноши перед Французской революцией 1848 г., но подчеркивает, что «последовавшие затем события послужили для всех назидательным уроком; они воспитали политическую мысль, низведя ее из области идеалов к уровню действительности» [2, с. 189]. Очевидное насилие, неизбежно сопряженное со всякой революцией, быстро избавило юного студента от излишней восторженности. «Разочаровавшись в жизненной силе демократии, я разочаровался и в теоретическом значении социализма. <...> Я понял, что социализм не что иное, как доведенный до нелепой крайности идеализм. В этом смысле он имеет историческое значение; практически же он всегда остается бредом горячих умов, не способных совладать с действительностью, а еще чаще шарлатанством демагогов, которым не трудно увлечь за собою невежественную массу, лаская ее инстинкты, представляя ей всякие небылицы и возбуждая в ней ненависть к высшим классам» [2, с. 190–191].

С тех пор острая критика практически всех политических учений, имевших в своем арсенале идею революции, присутствует в теоретических сочинениях, публицистике и мемуарах Чичерина. В первую очередь это относится к социализму, особенно в варианте марксизма. Их критике отводится так много места, что это даже вызывает замечания авторитетных современных исследователей по поводу ее «непропорционального преобладания» [3, с. 170] в сочинениях Чичерина. Утверждается, что Чичерин «явно нарушает теоретическую стройность своего труда ради “практической” цели — своей аргументированной и авторитетной критикой повлиять на общественное мнение России, воспрепятствовать дальнейшему распространению ложных и политически опасных идей» [4, с. 31]. И все же цель ученого понятна: он действительно стремился сделать все возможное и от него зависящее, чтобы остановить теоретиков социализма, политических социалистических лидеров и предостеречь часть общества, которая оказалась заворожена ложными идеями.

Чичерин тщательно анализирует революционные силы (учения и организации) любой направленности. Он трактует их как радикально-деструктивные, стоящие на пути естественного развертывания истории, как тормозящие развитие общества и подрывающие общественные устои, порождающие в гражданах панические настроения, неуверенность в завтрашнем дне, как провоцирующие власть на ужесточение административно-полицейских мер в управлении. Главной социальной опасностью революционных сил Чичерин считает то, что ради осуществления своих планов по переустройству общества они готовы опираться на насилие, попрание закона, полное презрение к традиционным нравственным установлениям.

Исходя из этого общего положения, марксистское социалистическое учение однозначно признается радикальным и, следовательно, вредным для общества именно потому, что своей пропагандой революции и классовой борьбы оно явно направлено на подрыв общественной стабильности. Кроме того, указывается на безнравственность этого учения, увлекавшего людей ложными и, по существу, антигуманными принципами организации общественной жизни, откровенно неосуществимыми общественными идеалами, требованиями тотального самопожертвования во имя их достижения, пропагандой вульгарного атеизма.

Чичерин хорошо знал учения социалистов, поэтому умело выявлял важные противоречия в их теориях, доказывал ошибочность основных концептуальных построений.

Он обосновывает тезис о том, что социалистическое учение только декларирует принцип свободы, поскольку фактически пропагандирует идеи тирании массы над личностью. Такой демократический цезаризм усматривается прежде всего в отрицании права частной собственности и права человека на свободный выбор занятий, которые невозможно реализовать в условиях тотальной государственной собственности. Заметим, что сам Чичерин видит в частной собственности основной способ материальной объективации свободы человека, поэтому и утверждает, что «социализм оказывается здесь тем, что он есть в своем существе, полным отрицанием свободы во имя равенства. Такое устройство не только противоречит природе и достоинству человека, но оно является противоречием в самом себе» [5, с. 225].

Критике подвергнуто и предлагавшееся социалистами решение важнейшего вопроса о взаимодействии государства и общества. В этом решении не без оснований усматривается направленность на поглощение последнего первым. Сам Чичерин последовательно отстаивает принципы относительной, но при этом значительной самостоятельности жизни гражданского общества. Он категорически отрицает социалистический постулат о всеобъемлющей и первенствующей роли государства. В реализации этого постулата он видит путь к неизбежной полной зависимости от государства как общества, так и личности. Указывается, что в этом случае также невозможной становится реализация свободы личности, ибо «лицо теряет здесь свою частную сферу деятельности; оно становится только органом и орудием целого» [6, с. 35].

Особенно обстоятельно Чичерин доказывает несостоятельность экономической части марксистского социалистического учения. Отмечает присущий этому учению экономический детерминизм и явную недооценку роли иных факторов общественной жизни. Аргументируя свою позицию, философ подчеркивает, что «хозяйство, которое служит человеку не более как средством, представляется основой всего исторического процесса. С помощью доведенных до полного бессмыслия обрывков гегелевской диалектики, ему придается какое-то механическое движение, которым фаталистически определяется весь ход человеческой истории. О высших потребностях духа, об идеях, которые проявляются в истории, о значении и роли высоких исторических личностей, конечно, нет более речи» [7, с. 8]. Кроме того, развенчиваются основные положения экономической части учения — теория стоимости, абсолютизация государственной собственности, идея централизации управления экономикой. Эти положения признаются несостоятельными как с точки зрения достижения экономической эффективности производства, так и с точки зрения социального прогресса в целом.

Уже в 80-е годы XIX столетия Чичерин дает поразительно точный прогноз того, к чему может привести общество организация производства по социалистическому типу. Им подчеркивается, что «единственным результатом социалистического устройства будет замена главного двигателя промышленного производства, личного интереса, бюрократической рутинной и формализмом. Известно, что таковы, в большей или меньшей степени, свойства всякой бюрократии, а тем более бюрократии, обладающей монополией. Этому злу не помогут никакие системы экзаменов, которыми предлагают заменить существующее в промышленном мире состязание. Промышленная способность доказывается не экзаменом, а практическим

делом. Не помогут также награды и премии, которыми социалисты хотят заменить действие личного интереса. Известно, что в бюрократическом порядке самые награды обращаются в рутину или же, что еще хуже, становятся предметом частных происков и протекции» [1, с. 373].

Обобщающим выводом, характеризующим теорию социализма, становится утверждение, что «социализм есть экономический, юридический, нравственный и политический абсурд» [6, с. 255].

Анализируя революционные силы общества, Чичерин зачастую обращается к российской социально-политической практике и указывает на существование внешних и внутренних идейных источников, способствовавших возникновению в России таких сил.

Внешние источники усматриваются в социалистических и коммунистических учениях, проникших в Россию из Западной Европы. Внутренние источники связываются с сочинениями российских теоретиков революции, социализма, анархизма. Отмечается также, что свою роль сыграли социальные, политические и экономические процессы и условия российской жизни, особенности национальной психологии, которые прямо или косвенно способствовали возникновению революционных сил. При этом подчеркивается, что революционные идеи быстрее всего распространяются среди городского «умственного пролетариата», т. е. части интеллигенции, в основном разночинного происхождения, а также среди части студенческой молодежи. Отмечается и быстрое распространение революционно-радикальных настроений среди городской бедноты и фабрично-заводских рабочих («физического пролетариата»).

Чичерина удручало растущее увлечение российской интеллигенции революционными идеями и ее «глухота» к очевидным доводам критиков социалистических учений, отстаивавших идеи о необходимой связи политической свободы с законом и правопорядком. Однако, как справедливо отметил П. И. Новгородцев, «политическое мирозерцание русской интеллигенции сложилось не под влиянием государственного либерализма Чичерина, а под воздействием народнического анархизма Бакунина. Определяющим началом было здесь не уважение к историческим задачам власти и государства, а вера в созидательную силу революции и в творчество народных масс. Надо только расшатать и разрушить старую власть и старый порядок, а затем все само собою устроится» [8, с. 566].

Предметом особых переживаний для Чичерина было и то, что идеи революции и социализма проникают в студенческую среду и находят там довольно широкую поддержку. Характеризуя процесс распространения этих идей среди студенческой молодежи, он подчеркивает, что «недоученные юноши, руководимые фантазирующими журналистами, у которых смелость заменяла звание и талант, вообразили себя цветом человечества, призванным разрушить весь существующий строй и дать русскому народу невиданные доселе формы жизни. И во имя этих диких мечтаний совершились чудовищные злодеяния, глубоко потрясшие все русское общество и свернувшие Россию с правильного пути гражданского развития» [6, с. 249].

Чичерин также указывает, что социалистические идеи быстро распространяются среди различных групп городской бедноты. Во второй половине XIX в. в России самой многочисленной группой городской бедноты были неимущие фабрично-заводские рабочие — «физический пролетариат». Ученый подчеркивает крайнюю

опасность распространения социалистических идей и настроений среди этого социального слоя. «Пролетариям твердят, что они, в сущности, производители всего человеческого богатства, и что если они им не пользуются, то это происходит оттого, что их обирают жадные капиталисты; их уверяют, что различие состояний есть плод насилия и обмана; что им стоит сплотиться, чтоб опрокинуть весь этот основанный на неправде общественный строй; что к этому ведет сама история, выдвигающая на первый план сперва верхние классы, затем средние и наконец пролетариат, который призван окончательно восторжествовать над всеми и таким образом является венцом всего человеческого развития» [6, с. 249–250].

В зараженных социалистическими идеями пролетариях Чичерин видел легко воспламеняющийся социальный слой, который откровенно используется профессиональными революционерами в своих целях: в стремлении расшатать государственную власть и разрушить вековые устои общества. Поэтому очевидный пессимизм сквозит в утверждении о том, что поскольку «руководителями рабочего класса являются проповедники, вдохновляющиеся Лассалем и Карлом Марксом, о нравственных началах не может быть речи. На устах будет любовь, а в сердцах будут кипеть зависть и ненависть, и общественные массы, вместо того чтобы соединяться в дружной деятельности на общую пользу, будут расходиться более и более» [1, с. 549].

Важно отметить, что ответственность за развитие революционных сил в России во многом возлагается Чичериным и на правительственный лагерь. Опираясь на исторические факты, он утверждает, что революции возникают везде, где существует упорная охранительная система, где власть не желает компромиссов и преобразований, а социально-политическая элита отличается неуступчивостью во взглядах и позициях.

Анализируя процесс развития революционных сил в этом аспекте, Чичерин утверждает, что в начале XIX в. в России их не существовало. Вторая половина царствования Александра I, когда произошло ужесточение охранительной системы, дала повод к событиям 14 декабря 1825 г. Однако в самом выступлении декабристов он видит лишь «ничтожную, подражательную попытку» [9, с. 158] европейским революционным движениям. Такая нелицеприятная оценка в свое время даже возмутила А. И. Герцена, назвавшего ее «высокомерным отзывом о 14 декабря» [10, с. 82]. Начало действительного формирования в стране глубинных корней революционных сил Чичерин усматривает в эпохе Николая I. В связи с этим подчеркивается, что «еще до преобразований в 1861 году нигилизм был в полном разгаре. Гнет николаевского царствования накопил горячие материалы; брожение, вызванное Крымскою войною, дало им новую силу. Внезапное облегчение тяжести, следовавшее в новое царствование, обнаружило только то, что таилось внутри» [11, с. 268]. Но особенная активность революционных сил, перешедших к радикальным действиям, связывается именно с началом реформ Александра II.

Верно оценивая ситуацию в стране и тенденцию ее развития, Чичерин пишет, что полицейская система, утвердившаяся после 1866 г., «была вызвана революционным своеволием, распространившимся в русском обществе. Желание противодействовать этим стремлениям было вполне законно; но способ исполнения, вместо того чтобы уменьшить зло, еще более его усилил. Если своеволие вызывает произвол, то произвол, в свою очередь, вызывает своеволие. Это две крайности, которые

всегда следуют друг за другом. Победить их может только законное начало высшего порядка. Эта мысль и была положена в основание преобразований нынешнего царствования. Но русское общество не успело еще свыкнуться с новым жизненным строем, как оно было совершенно сбито с толку возрождением полицейской деятельности в прежней его форме. Преобразования остались, но рядом с ними установилась система, не имеющая с ними ничего общего, система полицейских преследований, произвольных арестов, административных ссылок» [11, с. 271].

В работах последней трети XIX в. ученым подробно анализируется трагическая взаимосвязь системы государственного произвола и процесса распространения воинствующего революционного террора. Приводятся известные исторические факты, свидетельствующие о распространении в стране политического терроризма, порождавшего всякий раз очередной виток ужесточения государственного режима: убийство шефа жандармов Н. В. Мезенцева в 1878 г., взрывы на пути царского поезда в 1879 г. и в Зимнем дворце в 1880 г. В оценке этих событий Чичерин отчетливо выражены осуждение актов политического террора, обоснованная констатация слабости власти и духовно-нравственной неподготовленности общества к восприятию реформ.

В 1878 г. во время суда по делу Веры Засулич он пишет статью «Конституционный вопрос в России». В статье отмечается, что этот судебный процесс отчетливо продемонстрировал противоречие между реформаторскими начинаниями власти и распространением в стране настроений непонимания и противодействия реформам.

Очевидность преступления Засулич для власти и части общества была такова, что привела власть к решению отдать рассмотрение дела присяжным, от которых ожидали сурового приговора. Поэтому оправдательный приговор, вынесенный присяжными, и одобрительная реакция на него в обществе шокировали Чичерина. Решение присяжных свидетельствовало о том, что общество приняло сторону радикалов, террористов, отвергнув и закон, и здравый смысл. Подобную судебную практику, при которой суд оправдывает террористов, а народ приветствует их как национальных героев, Чичерин оценил как гибель ростков гражданского общества в России.

Об абсолютном неприятии революционных сил и действий свидетельствует и публицистическая статья «Задачи нового царствования», написанная спустя несколько дней после убийства Александра II. В статье утверждается, что императора убили революционные политические фанатики, которые организовались и начали действовать во имя воплощения своей сверхидеи, а сам факт убийства признается страшной закономерностью в условиях нараставшего политического террора.

Не боясь дискредитировать свою общественную позицию выраженным союзом с государством, крайне обеспокоенный общественной напряженностью в стране, Чичерин призывает к «чрезвычайным мерам». Он подчеркивает, что «пока существует социалистическая партия, стремящаяся к ниспровержению всего общественного строя, до тех пор чрезвычайные меры будут необходимы» [12, с. 528]. Естественно, что ни о каком призыве к стратегическому террору со стороны власти речь не шла, поскольку государственная власть всегда трактовалась им как важнейшая системообразующая характеристика общества. Именно поэтому в статье утверждается, что государственная власть должна особенно решительно и энергично действовать в тот момент, когда необходимо отстаивать спокойствие

и целостность общества. И одним из таких моментов, наступивших для России, признается 1881 год.

Содержание статьи стало поводом для многочисленных упреков в адрес Чичерина. Его обвиняли в отступлении от идеалов либерализма, в апологетике жестких мер власти по наведению порядка в обществе, даже в сотрудничестве с властями. Эта критика представляется совершенно неуместной, так как в действительности в статье лишь продолжено выражение гражданской и политической позиции ученого.

Завершая краткий анализ, возможный в формате статьи, добавим, что в XX в. предостережения Чичерина обернулись трагической реальностью во многих странах, решившихся на воплощение в жизнь революционно-социалистических идей. По справедливому замечанию известного польского исследователя социально-политической мысли России А. Валицкого, «исторический опыт нашего столетия показал дальновидность предостережений Чичерина. Совершенно очевидно, что наиболее опасным врагом человеческой свободы оказались (что, кстати, тоже предвидел Чичерин) секуляризованные, атеистические формы старой хилиастической мечты о земном рае. Наиболее грозной среди них была та форма коммунистического движения, которая пыталась осуществить свой идеал при помощи сплоченной, строго дисциплинированной организации, специально созданной для этой цели и принципиально оправдывающей неограниченное насилие» [13, с. 34].

Закljučая, отметим, что критика Чичериним революции как радикального способа переустройства общества и социалистического учения не утратила своего смысла и поныне. Поэтому современное общество, в котором столь часто и опасно проявляют себя различного рода радикальные силы, найдет у Чичерина императивы, которые окажутся полезными и помогут противостоять деструктивным тенденциям.

Литература

1. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб.: РХГА, 2005. 824 с.
2. Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов // Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. С. 132–362.
3. Евлампиев И. И. Политическая философия Б. Н. Чичерина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 226 с.
4. Евлампиев И. И. Главный труд Б. Н. Чичерина: достижения и неудачи // Чичерин Б. Н. История политических учений. СПб.: РХГА, 2010. Т. 3. С. 3–34.
5. Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006. 536 с.
6. Чичерин Б. Н. Социология. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2004. 468 с.
7. Чичерин Б. Н. Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 1 (36). С. 1–13.
8. Новгородцев П. И. Восстановление святынь // Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 550–580.
9. Чичерин Б. Н. Священный союз и австрийская политика // Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Книжка первая. Лондон: Trübner and Co, 1859. С. 145–164.
10. Герцен А. И. Предисловие к «Историческому сборнику вольной русской типографии в Лондоне». Книжка первая. Лондон 1859 // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 76–82.
11. Чичерин Б. Н. Земство и Московская дума // Чичерин Б. Н. Воспоминания: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 2. С. 196–484.
12. Чичерин Б. Н. Задачи нового царствования // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 524–538.
13. Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX — начала XX веков // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25–40.

Для цитирования: Лобеева В. М. Философия истории Б. Н. Чичерина: трактовка феномена революции и социалистического учения // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 2. С. 254–262. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.213

References

1. Chicherin B. N. *Sobstvennost' i gosudarstvo* [Property and State]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2005. 824 p. (In Russian)
2. Chicherin B. N. Moskva sorokovykh godov [Moscow of the forties]. *Chicherin B. N. Vospominaniia: v 2 t.* [Reminiscences; in 2 vols]. Moscow, Publishing house named after Sabashnikovs, 2010, vol. 1, pp. 132–362. (In Russian)
3. Evlampiev I. I. *Politicheskaiia filosofiiia B. N. Chicherina* [Political philosophy by B. N. Chicherin]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2013. 226 p. (In Russian)
4. Evlampiev I. I. Glavnyi trud B. N. Chicherina: dostizheniia i neudachi [The major work by B. N. Chicherin: achievement and failures]. *Chicherin B. N. Istoriia politicheskikh uchenii* [The history of political doctrines]. Vol. 3. St. Petersburg, RHGA Publ., 2010, pp. 3–34. (In Russian)
5. Chicherin B. N. *Obshchee gosudarstvennoe parvo* [General national law]. Moscow, Zercalo Publ., 2006. 536 p. (In Russian)
6. Chicherin B. N. *Sotsiologiiia* [Sociology]. Tambov, Tambovpoligrafizdat Publ., 2004. 468 p. (In Russian)
7. Chicherin B. N. Neskol'ko slov o filosofsko-istoricheskikh vozzreniiakh Granovskogo [Some words about Granovsky's philosophical and historical views]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1897, book 1 (36), pp. 1–13. (In Russian)
8. Novgorodtsev P. I. Vosstanovlenie sviatyn' [Restoration of sacred objects]. *Novgorodtsev P. I. Ob obshchestvennom ideale* [About the social ideal]. Moscow, Pressa Publ., 1991, pp. 550–580. (In Russian)
9. Chicherin B. N. Sviashchennyi soiuz i avstriiskaia politika [The sacred union and Austrian policy]. *Istoricheskii sbornik vol'noi russkoi tipografii v Londone. Knizhka pervaiia* [Historical collection of a free Russian print shop. Book 1]. London, Trübner and Co, 1859, pp. 145–164. (In English)
10. Gertsen A. I. Predislovie k «Istoricheskomu sborniku vol'noi russkoi tipografii v Londone». *Knizhka pervaiia*. London 1859 [Preface to «The historical collection of a free Russian print shop in London». Book 1. London. 1859]. *Gertsen A. I. Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected works, in 30 vols]. Moscow, the USSR's Academy of Sciences Publ., 1958, Vol. 14, pp. 76–82. (In Russian)
11. Chicherin B. N. Zemstvo i Moskovskaia дума [Zemstvo and the Moscow дума]. *Chicherin B. N. Vospominaniia: v 2 t.* [Reminiscences, in 2 vols]. Moscow, Publishing house named after Sabashnikovs, 2010, vol. 2, pp. 196–484. (In Russian)
12. Chicherin B. N. Zadachi novogo tsarstvovaniia [The tasks of a new reign]. *Chicherin B. N. Filosofiiia prava* [Philosophy of law]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, pp. 524–538. (In Russian)
13. Valitskii A. Nравstvennost' i pravo v teoriiakh russkikh liberalov kontsa XIX–nachala XX vekov [Morality and law in theories by Russian liberals of the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries]. *Voprosy filosofii*, 1991, vol. 8, pp. 25–40. (In Russian)

For citation: Lobeeva V. M. Philosophy of history by B. N. Chicherin: the interpretation of the phenomenon of revolution and the socialist doctrine. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 2, pp. 254–262. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.213

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2016 г.

Статья принята в печать 15 декабря 2016 г.